

П. М. Аркадьев

АРЕАЛЬНАЯ

ТИПОЛОГИЯ

ПРЕФИКСАЛЬНОГО

ПЕРФЕКТИВА

STUDIA PHILOLOGICA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК. ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
ОТДЕЛ ТИПОЛОГИИ И СРАВНИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ЦЕНТР БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

П. М. Аркадьев

АРЕАЛЬНАЯ
ТИПОЛОГИЯ
ПРЕФИКСАЛЬНОГО
ПЕРФЕКТИВА

(на материале языков Европы и Кавказа)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 80/81
ББК 81
А 82

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда фундаментальных лингвистических исследований
проект № В-17

Исследование выполнено при поддержке программ
фундаментальных исследований Президиума РАН и ОИФН РАН,
а также грантов РГНФ № 11-04-00282а и 14-04-00580.

Рукопись утверждена к печати
Учёным советом Института славяноведения РАН 25 июня 2013 г.

Ответственный редактор:

член-корреспондент РАН профессор Т. М. Николаева

Рецензенты:

член-корреспондент РАН профессор В. А. Плунгян

кандидат филологических наук доцент С. С. Скорвид

Аркадьев П. М.

А 82

Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 352 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-94457-220-2

Монография является первым обобщающим типологическим исследованием префиксальной перфективации — феномена, до сих пор получившего подробное освещение лишь в славянских языках. В книге на синхронном уровне рассматривается материал славянских и балтийских языков, идиша, немецкого, венгерского, осетинского, а также картвельских языков — грузинского, сванского, мегрельского и лазского. Подробно изучаются морфологические свойства глагольных префиксов (превербов), их значения, особенности семантики и функционирования превербных глаголов, устройство аспектуальных систем. Полученные эмпирические данные подвергаются количественному анализу, позволяющему выделить две области кластеризации систем префиксального перфектива — славянскую и кавказскую, — различающиеся набором характеризующих их признаков. Отдельно исследуются диахрония систем превербов и перфективации в рассматриваемых языковых семьях, возможные типологические параллели в других ареалах и типы наблюдаемых в этой области контактных явлений, для чего привлекается материал ряда миноритарных идиомов (цыганских, славянских, балтийских, балканороманских, финно-угорских). Делаются эмпирически обоснованные выводы о соотношении генетически унаследованного, универсально-типологического и контактного в наблюдаемом ареальном распределении систем префиксального перфектива в языках Центральной и Восточной Европы и Кавказа.

Книга представляет интерес для славистов, балтистов, кавказоведов, аспектологов, типологов и специалистов по ареальной лингвистике.

УДК 80/81

ББК 81

*В оформлении переплета использованы картина А. Дерена «Port en Provence, Martigues» (1913), карта Восточной Европы 1594 г.
и фотография Эдгара Леймана (2014)*

© П. М. Аркадьев, 2015

© Языки славянской культуры, 2015

ISBN 978-5-94457-220-2

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
Введение	12
Глава 1. Теоретические предпосылки	16
§ 1.1. Проблема определения провербов	16
§ 1.2. Параметры типологии провербов	18
§ 1.3. Терминологические замечания	20
§ 1.4. Материал исследования	28
Глава 2. Морфосинтаксические признаки провербов	32
§ 2.1. Морфологический статус провербов	32
§ 2.2. Позиция провербов в глагольной словоформе	40
§ 2.3. Возможность «итерации» провербов	47
§ 2.4. Морфологическая субкатегоризация провербов	50
§ 2.5. Синхронная «этимология» провербов	54
Заключение	57
Глава 3. Функционально-семантические признаки провербов ...	58
§ 3.1. Исходные значения провербов	58
§ 3.2. Функционально-семантическая субкатегоризация провербов	66
§ 3.3. Ограничения на сочетаемость провербов	69
§ 3.4. Характеристики аспектуальных функций провербов ...	70
§ 3.5. Способы глагольного действия	77
§ 3.6. Вопрос о перфективации «в чистом виде»	82
§ 3.7. Провербы с делимитативной функцией	85
Заключение	89
Глава 4. Характеристики провербных глаголов	90
§ 4.1. Морфосинтаксис провербных глаголов	90
§ 4.2. Акциональные значения провербных глаголов	92
§ 4.3. Специфические для провербных глаголов грамматические категории	97

Глава 5. Характеристики глагольных систем с превербами.	99
§ 5.1. Характер оппозиции префиксальных и беспрефиксальных глаголов	100
§ 5.2. Средства «вторичной имперфективации».	120
§ 5.3. Непрефиксальные перфективирующие средства	141
§ 5.4. Глаголы без превербов, «эквивалентные» глаголам с превербами	146
§ 5.5. Нетерминативные префиксальные глаголы	154
§ 5.6. Взаимодействие превербов с другими глагольными категориями	156
5.6.1. Превербы, презенс и футурум	156
5.6.2. Превербы и словоизменительный аспект	161
Заключение	172
Глава 6. Квантитативная ареальная типология префиксального перфектива	175
§ 6.1. Признаки для количественного анализа	175
§ 6.2. Сопоставление значений признаков в исследуемых языках	178
§ 6.3. Степень сходства между языками	181
§ 6.4. Графическое представление сходств и различий между языками	189
§ 6.5. Кластеризация значений признаков	194
§ 6.6. Картографирование сходств и различий между языками	196
Заключение	199
Глава 7. Диахроническая, типологическая и контактная перспектива	200
§ 7.1. Диахрония систем префиксального перфектива	201
7.1.1. Индоевропейские языки	201
7.1.2. Картвельские языки	219
7.1.3. Уральские языки	221
7.1.4. Выводы	229
§ 7.2. Контактные явления	232
7.2.1. Материальное заимствование	233
7.2.2. Избирательное копирование («калькирование»)	242
7.2.3. Выводы	255
§ 7.3. Типологические параллели	258
§ 7.4. Обобщение: о двух ареалах префиксального перфектива	268

Заключение	287
Сокращения	292
Источники	296
Библиография	298
Указатель языков	344

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга возникла в качестве побочного результата занятий автора аспектологией литовского языка (см. [Аркадьев 2008а, 2009а, 2012; Arkadiev 2011a]). Несомненные сходства литовской аспектуальной системы со славянскими сочетаются с не менее значимыми отличиями, которые могут быть обобщены как связанные с существенно более слабой степенью грамматикализованности аспектуального противопоставления в литовском (см. об этом в первую очередь [Вимер 2001]). Понимание этого факта закономерно приводит к постановке вопроса о том, какие черты славянских и балтийских глагольных систем и в какой степени связаны с грамматикализацией аспектуальных противопоставлений, и к неизбежному выводу, что само по себе наличие в языке продуктивного использования глагольных префиксов (превербов; об уточнении этого понятия см. § 1.1) для выражения значения, которое принято называть «перфективным», ещё не говорит непременно о грамматическом характере противопоставления глаголов с перфективирующими префиксами глаголам без таковых. Действительно, как показано в упомянутых работах, сами по себе формальные механизмы аспектуальной модификации глагольных основ в литовском и славянских языках весьма сходны, но тем не менее целый ряд других признаков, по которым они различаются, как кажется, перевешивает это сходство. Тем самым, вполне естественным представляется вопрос о параметрах и пределах варьирования глагольных систем, использующих превербы в качестве «перфективаторов», и о месте, которое в типологии таких систем занимают славянские языки — наиболее изученный и, казалось бы, наиболее «прототипический» их представитель.

Поскольку в непосредственной географической близости от славянских и балтийских систем глагольных префиксов находится целый ряд других языков, в той или иной степени использующих данный морфологический механизм в аспектуальной функции, — идиш, венгерский, осетинский, грузинский, очевидно, что типология систем префиксального перфектива не может не учитывать данных всех этих

языков. Справедливости ради следует отметить, что указанные языки по отдельности и вместе уже привлекались для сравнения со славянскими в интересующем меня отношении (см. [Dahl 1985: 84–89; Вреу 1992; Майсак 2005: 297–305; Tomelleri 2008, 2009a, 2010]). Тем не менее задача полномасштабного сопоставления всех этих языков на основании единообразной системы признаков, по возможности свободной от «славяноцентризма», т. е. от априорной абсолютизации славянских аспектуальных систем в качестве прототипических, до сих пор не ставилась и не решалась (об эксплицитной постановке этой задачи см. предварительную публикацию автора [Аркадьев 2007a]). Одна из задач настоящей монографии — предложить возможное решение этой проблемы.

Сопоставительное изучение какого-либо явления, представленного в ряде языков, связанных отношениями генетического родства или территориальной близости, логически приводит к вопросу об ареальном характере наблюдаемых сходств и различий, а необходимым компонентом ареальной типологии является диахроническое измерение, т. е. изучение генезиса синхронного распределения лингвистических признаков. Последнее включает в себя целый ряд вопросов, как то: разграничение архаических и инновационных черт, выявление общего генетического наследия родственных языков и обнаружение признаков, возникших в результате языковых контактов. Обсуждение исторической эволюции сопоставляемых аспектуальных систем и роли в их развитии контактных, генетических и типологических факторов является второй основной задачей данной книги.

Поскольку сами по себе рассматриваемые в книге явления в целом изучены сравнительно неплохо (разумеется, подробность и качество описаний чрезвычайно сильно варьируется), я за весьма редкими исключениями не ставил своей задачей самостоятельное исследование языкового материала, довольствуясь данными существующих и доступных источников. В этом смысле книгу можно считать отчасти компилятивной, а заслугу автора в первую очередь состоящей в сведении воедино и приведении к общему знаменателю разнообразных языковых данных и не менее разнородных точек зрения на их интерпретацию. Тем не менее я полагаю, что необходимость в выполнении такой работы давно назрела, а обобщение и синтез уже существующего и тем более сопоставление того, что ранее вообще или почти не сопоставлялось, имеет самостоятельную научную ценность.

* * *

Фрагменты данной работы были представлены на круглом столе «Ареальное и генетическое в структуре славянских языков» (Москва, Институт славяноведения РАН, 2007), на XIV Международном съезде славистов (Охрид, 2008), на международных конференциях “Areal Linguistics, Grammar and Contacts” (Тарту, 2012), “Semantic Scope of Slavic Aspect” (Гётеборг, 2013) и “Chronos 11” (Пиза, 2014), а также на семинаре «Некоторые применения математических методов в языкознании» (Москва, ОТиПЛ МГУ, 2013). Я благодарю участников этих мероприятий, а также А. А. Александрову, А. В. Андронову, О. И. Беляеву, В. Броя, Б. Вимеру, А. П. Выдрину, А. Грёна, С. Дики, А. Калначу, Д. П. Кирьянова, К. А. Кожанова, Ю. Л. Кузнецову, Л. И. Куликова, С. Кучер, Ф. Р. Минлоса, С. О. Оскольскую, Ю. Пакериса, В. А. Панова, А. Ч. Пиперски, В. А. Плунгяна, А. А. Ростовцева-Попеля, С. С. Сая, С. С. Скорвида, Н. М. Стойнову, В. Томеллери, Д. Хоригути, А. Чирмаз, А. Б. Шлуинского, Д. А. Эршлера и Л. Янду за разнообразную помощь и ценные замечания в ходе данной работы (в частности, предоставление труднодоступной литературы и консультации по тем или иным языковым данным), а также ряд коллег, откликнувшихся на мои запросы в интернет-рассылках *slavicling* и *baltistica* и в сообществе *terra_linguarum* в «Живом журнале». Отдельная огромная благодарность Б. Вимеру, Е. В. Горбовой, В. Ю. Гусеву, С. Дики, Т. А. Майсаку, Т. М. Николаевой, М. В. Ослону, Е. В. Петрухиной, В. А. Плунгяну, С. С. Скорvidу, В. Томеллери, а также Л. Янде и руководимой ею группе в Университете Тромсё, которые согласились прочесть книгу или её фрагменты в рукописи и высказали ряд очень ценных поправок и замечаний. Никто из указанных лиц, разумеется, не несёт ответственности за неизбежные ошибки в материале и неверные интерпретации, каковые всецело остаются на совести автора. Наконец, я хотел бы выразить свою признательность создателям самых разнообразных ресурсов в интернете, делающим — подчас преодолевая определённые препятствия — доступным широкому читателю и научному сообществу огромный массив литературы, которую в противном случае могли бы прочесть лишь немногие.

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении длительного времени категория вида или аспекта (в дальнейшем эти термины, если специально не оговаривается обратное, будут употребляться как синонимичные) считалась славянской особенностью, и аспектуальные категории других языков рассматривались на фоне этого «эталона»; ср. нередкие высказывания об «отсутствии вида» в таких европейских языках, как французский или английский. Развитие типологии грамматических категорий и теоретической аспектологии последних нескольких десятилетий привело к пересмотру «славяноцентрического» взгляда на вид, в том числе и среди славистов. Согласно современным представлениям, отражённым, среди прочего, в пионерских работах Ю. С. Маслова [Маслов 1978/2004], вид славянского типа — лишь одна из многих возможных аспектуальных систем, причём далеко не самая частотная в языках мира (подробнее об этом см., в частности, в книге [Плунгян 2011а: 406–416]).

Согласно типологии, предложенной в работах [Bybee, Dahl 1989] и [Bybee et al. 1994: 87–90], славянский вид представляет собою аспектуальную систему с перфективом, возникшим из сочетаний глаголов с так называемыми ограничителями (*bounders*) или сателлитами [Talmy 1985] — показателями преимущественно наречного типа, исходно служащими для пространственной или акциональной конкретизации значения глагольной лексемы, а в ходе грамматикализации приобретающими более абстрактные значения, основное из которых — терминативность, т. е. достижение ситуацией естественного предела (об этом понятии см. подробнее в § 1.3). В отличие от широко распространённых в языках мира аспектуальных систем, в основе которых лежат категории результативно-перфектной семантической зоны (*anterior-based perfectives* по [Bybee et al. 1994])¹, видовые системы с ограничителями характеризуются значительной лексикализированностью как в плане выражения (сочетаемость глаголов

¹ Разумеется, здесь не имеется в виду, что многообразие аспектуальных систем языков мира исчерпывается этими двумя типами.

с ограничителями является нередко весьма прихотливой), так и в плане содержания (семантика сочетания глагола с ограничителем далеко не всегда может быть однозначно предсказана и в любом случае существенно зависит от подчас очень тонких особенностей лексического значения). Роль ограничителей в славянских языках играют глагольные приставки — п р е в е р б ы.

В последние годы наблюдается повышенный интерес лингвистов к превербам (далеко не только славянским), рассматриваемым с самых разных точек зрения — морфосинтаксической [Booij, van Kemenade (eds.) 2004; Выдрин 2006, 2009; Татевосов 2013] и, в первую очередь, семантической (в широком смысле — относя сюда как грамматическую, так и лексическую семантику) [Кронгауз, Пайар (ред.) 1997; Кронгауз 1998; Татевосов 2000, 2009; Кронгауз (ред.) 2001; Добрушина и др. 2001; Плунгян 2002; Svenonius (ed.) 2004; Filip 2004, 2005; Romanova 2006; Gehrke 2008]. Задача настоящей монографии заключается в том, чтобы взглянуть на превербы под ещё одним углом — типологическим — и выявить параметры, по которым системы глагольных превербов могут быть сходны и различны. Такая постановка вопроса представляется весьма актуальной, поскольку, за редкими исключениями [Nash 1982: 169–171; Breu 1992; Rousseau (éd.) 1995; Johanson 2000: 139–145; Плунгян 2002; Майсак 2005: 297–305], превербы не становились объектом широких межъязыковых сопоставлений (ср. также недавние работы [Kiefer, Honti 2003; Kiefer 2010; Gugán 2011; Tomelleri 2008, 2009a, 2010; Панов 2012a: гл. 5], где проблематика префиксации рассматривается в более широком аспектологическом ракурсе, близком к принятому в данной работе). Между тем, лишь сравнив славянскую аспектуальную систему и глагольную префиксацию как её ядро с аналогичными явлениями других языков, можно обнаружить те черты и признаки или их комбинации, которые являются уникальными для славянского вида и составляют его характерные особенности.

Превербы и их аналоги представлены в самых разных языках мира, и обобщающая типология их была бы чрезвычайно интересна; тем не менее, здесь я ставлю сравнительно скромную задачу, ограничиваясь современными языками, входящими в одну географическую зону — Центральную и Восточную Европу, включая Кавказ (на сходства между аспектуальными системами языков данного ареала указывалось уже в классических работах по типологии аспекта, см. [Comrie 1976: 94; Dahl 1985: 84–89]): славянскими, балтийскими, германскими (в первую очередь немецким и идишем), венгерским, осетинским

и картвельскими. В отдельных разделах для сравнения будут привлекаться и данные северокавказских языков, в первую очередь адыгейского, которым автору посчастливилось заниматься в полевых условиях, а в главе 7 будет рассмотрен языковой материал, существенно более широкий и географически, и хронологически. Как кажется, сопоставление славянского материала с данными географически смежных языков, с некоторыми из которых отдельные славянские языки в течение длительного времени находились в контакте, может оказаться особенно полезным как для понимания устройства и функционирования славянского вида, так и для более точной характеристики аспектуальных систем, близких к славянским по своему устройству.

В данной книге превербы будут рассматриваться в первую очередь в связи с их ролью в организации аспектуальных систем; при этом изучаться будут как морфосинтаксические и семантико-грамматические особенности собственно превербов и префиксальных глаголов в целом, так и релевантные характеристики других грамматических единиц, оказывающихся втянутыми в парадигматические отношения с превербами (очевидным примером такой единицы может служить славянский семельфактивный суффикс *-ну-*). Основная моя задача — выделить ряд типологически значимых признаков, при помощи которых можно описывать аспектуальные системы, основанные на превербах, показать, какие из этих признаков и в каких комбинациях представлены в разных языках рассматриваемого ареала, и обнаружить возможные корреляции (или их отсутствие) между различными признаками, в первую очередь в связи со степенью грамматикализованности аспектуальных категорий. Кроме того, меня будут интересовать и собственно ареально-типологические проблемы, в частности, факты заимствования формальных и функциональных особенностей префиксального перфектива в ситуации языкового контакта и более общий вопрос об «очагах» и направлении «иррадиации» префиксального перфектива в изучаемом ареале. Необходимо подчеркнуть, что в этом смысле настоящая монография является работой не по славистике, а по типологии, и что неславянские языки фигурируют в ней не в качестве сопоставительного фона для славянских, а как равноправные объекты исследования, материал которых представляет ценность и интерес сам по себе.

Книга состоит из семи глав и заключения. В первой главе я кратко излагаю теоретические и методологические основания исследования, выделяю и обосновываю используемую мною систему типологических параметров, определяю необходимые мне понятия и описываю

материал исследования и способы его представления. Главы со второй по пятую посвящены значениям, которые выделенные мною параметры принимают в исследуемых языках, и следуют классификации этих параметров: морфосинтаксические характеристики превербов (глава 2), функционально-семантические характеристики превербов (глава 3), признаки глаголов с превербами (глава 4, весьма краткая) и характеристики глагольных систем с превербами (глава 5, наиболее подробная из четырёх). В шестой главе излагаются результаты количественного анализа данных о варьировании систем префиксальной перфективации, позволяющего уточнить представление об ареальном характере изучаемых явлений. Седьмая глава книги посвящена диахроническому и типологическому анализу и рассматривает системы перфективирующих превербов с точки зрения их происхождения, эволюции и подверженности влиянию языковых контактов. Также в этой главе кратко анализируются сходные явления в языках других географических ареалов.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

1.1. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕВЕРБОВ

Вопрос об определении изучаемого объекта в типологическом исследовании всегда является насущным и далеко не простым. Превербов это касается не в меньшей степени, чем каких-либо других языковых явлений. Если в рамках одного языка превербы можно, скажем, задать списком или определить на каких-либо внутриязыковых основаниях, то при типологическом исследовании встаёт проблема соизмеримости критериев выделения «одноимённых» явлений в разных языках и, тем самым, их сопоставимости (см. об этой проблеме, в частности, [Haspelmath 2010]).

Рассматриваемые здесь языки не допускают простого определения превербов как глагольных префиксов, поскольку префиксальным способом в ряде языков могут выражаться значения, которые явно не относятся к интересующей нас области (например, в картвельских и абхазо-адыгских языках префиксы выражают лицо актантов глагола). Тем самым, из множества глагольных префиксов необходимо выделить такие, которые обладают рядом особых свойств. Характеристики, позволяющие задать класс превербов содержательным и непротиворечивым образом, связаны с их семантикой (о семантических основаниях грамматической типологии см. упомянутую статью М. Хаспельмата и [Плунгян 2000: 233–238; 2011a: 93–100]): превербы прототипически кодируют пространственные значения, относящиеся к категории так называемой глагольной ориентации [Плунгян 2002, 2011a: 327–345]¹.

Более строго, превербы в принятом здесь понимании — это морфемы, удовлетворяющие нижеследующим двум условиям — формальному и семантическому (ср. определение в [Lazard 1995: 23]):

¹ Интересно, что именно так определяются — пусть и не всегда эксплицитно — превербы в кавказских языках, ср. [Рогава, Керашева 1966: 112; Paris 1989: 183] об адыгейском и [Vogt 1971: 172–180] о грузинском.

(1) превербы по крайней мере в значительном классе случаев занимают префиксальную позицию по отношению к глагольному корню;

(2) превербы способны присоединяться к глаголам, обозначающим перемещение, и специфицируют какие-либо аспекты пространственного расположения их актантов.

Здесь необходимо сделать несколько замечаний. Во-первых, оговорка «по крайней мере в значительном классе случаев» в формулировке условия (1) необходима для того, чтобы не исключать из рассмотрения немецкий и венгерский языки, где превербы во вполне определённых случаях появляются не перед глаголом, а после него и даже без непосредственного контакта с ним (тем не менее, в число основных рассматриваемых языков я не включаю эстонский, английский и скандинавские языки, где во многих отношениях сходные с превербами элементы всегда или почти всегда следуют за глаголом; см. об этих языках § 7.1). Во-вторых, условие (2) требует, чтобы превербы были способны сочетаться с глаголами движения, но не исключает ни их способности присоединяться к глаголам других семантических классов, ни возможности употребления превербов в непространственных значениях. Таким образом, условие (2) специфицирует «ядерные» сферу употребления и круг значений превербов.

Наконец, условия (1) и (2) представляется разумным дополнить оговоркой о том, что к классу превербов я буду также относить морфемы, у которых пространственные значения не являются центральными или даже вовсе отсутствуют, но которые в системе данного языка явным образом входят в один морфологический класс с пространственными превербами *sensu stricto* (так, например, в русском языке исходно пространственное значение приставки *по-* ‘воздействие на поверхность’ практически стёрлось, но очевидно, что любое осмысленное описание русской глагольной системы должно включать эту приставку). Такое расширение кажется мне оправданным и даже необходимым, поскольку меня интересует не столько собственно категория глагольной ориентации, сколько её дальнейшая грамматикализация, в частности, использование её для выражения аспектуальных значений — процессы, сопровождающиеся как «выветриванием» исходной пространственной семантики, так и «втягиванием» в эту систему изначально непространственных показателей.

1.2. ПАРАМЕТРЫ ТИПОЛОГИИ ПРЕВЕРБОВ

В данном разделе описываются в самом общем виде те признаки, которые я полагаю релевантными для типологического обсуждения систем превербов и превербных глаголов и которые будут использоваться в дальнейшем для типологического сопоставления². Эти признаки можно сгруппировать в несколько классов: признаки собственно превербов vs. признаки превербных глаголов; признаки, касающиеся морфосинтаксиса vs. семантики превербов; признаки, относящиеся к организации системы префиксального перфектива в целом, например, касающиеся взаимодействия его с другими грамматическими категориями. Приведённая ниже классификация следует, с одной стороны, противопоставлению формальных и функциональных параметров, и, с другой стороны, расширению сферы действия признаков от собственно превербов к превербным глаголам и от них к целым грамматическим системам.

Группа I. Морфосинтаксис превербов

I.1. Морфологический статус превербов, степень их морфологизации vs. автономности (в первую очередь способность превербов отделяться от глагольной словоформы и выступать в предложении как самостоятельное слово).

I.2. Позиция превербов в глагольной словоформе. Необходимость данного признака требует немедленных пояснений. Действительно, при обсуждении, например, русского языка этот признак кажется тривиальным: превербы являются единственными представленными в нём глагольными префиксальными морфемами. Привлечение же материала других языков сразу существенно усложняет эту картину. Так, уже в родственном литовском языке имеется целых пять префиксальных глагольных позиций, лишь одна из которых по своему функциональному наполнению может быть поставлена в соответствие славянским приставкам. В языках, типологически отличающихся от русского более существенно, например, в кавказских, собственно превербов могут быть лишь одной из многочисленных категорий префиксальных морфем.

I.3. Возможность «итерации» превербов, т. е. присутствия в глагольной словоформе более одного представителя этого класса. Этот параметр непосредственно связан со следующим признаком.

I.4. Наличие внутри системы превербов более дробной морфологической классификации (практически неизбежно коррелирующей

² Ср. также списки релевантных параметров, пересекающиеся с предлагаемым мною, в работах [Майсак 2005: 303–304; Tomelleri 2010; Панов 2012а: гл. 5].

с какими-либо функциональными признаками превербов, см. ниже признак П.2).

И.5. Синхронное наличие у превербов этимологически родственных лексем, статус этих последних и их соотношение с превербами.

Группа II. Функционально-семантические особенности превербов

П.1. Исходные значения превербов (в частности, тип выражаемого ими пространственного значения). Этот признак связан со следующим.

П.2. Членение системы превербов на более дробные функционально-семантические классы.

П.3. Ограничения на сочетаемость превербов с глагольными основами.

П.4. Характеристики аспектуальных функций превербов и их взаимодействия с семантикой глагола вообще (в частности, способность превербов влиять на актантную структуру). С этим признаком тесно связаны следующие два.

П.5. Участие превербов в образовании так называемых «способов глагольного действия».

П.6. Наличие у превербов функции «перфективации» в «чистом виде»; в данном случае встаёт вызывающий оживлённые дискуссии вопрос о том, указывает ли положительное значение данного признака на существование в языке так называемых «чистовидовых приставок» или же на действие принципа семантического согласования преверба и глагола — так называемого эффекта Вея—Схоневелда [Vey 1952; van Schooneveld 1958].

П.7. Наличие превербов с «делимитативной» функцией, т. е. способных образовывать от глагола, обозначающего процесс или состояние, глагол, обозначающий ограниченную во времени ситуацию того же типа.

Группа III. Характеристики превербных глаголов

III.1. Наличие специфических для превербных глаголов морфологических и / или синтаксических особенностей и ограничений.

III.2. Характер аспектуальных (акциональных) значений превербных глаголов.

III.3. Наличие у превербных глаголов специфических грамматических категорий или их значений.

Группа IV. Характеристики собственно глагольных систем с превербами

IV.1. Характер оппозиции превербных и «простых» глаголов. Этот параметр в первую очередь касается того, как «простой» глагол

и его префиксальные дериваты делят между собою семантическое пространство. В частности, меня будут интересовать такие вопросы, как способность непрефиксальных глаголов выступать в тех же контекстах, что и соотносящиеся с ними префиксальные (и наоборот).

IV.2. Наличие и характер средств «вторичной имперфективации» превербных глаголов.

IV.3. Наличие непрефиксальных морфологических средств, вовлечённых в категорию, организующим ядром которой являются превербы.

IV.4. Наличие глаголов без превербов, проявляющих акциональные и / или аспектуальные свойства, характерные для префиксальных глаголов.

IV.5. Наличие префиксальных глаголов, проявляющих акциональные и / или аспектуальные свойства, характерные для глаголов без превербов.

IV.6. Характер взаимодействия префиксальных и непрефиксальных глаголов с другими глагольными категориями, в первую очередь видо-временными.

Приведённый список параметров не претендует на то, чтобы быть исчерпывающим, однако представляется достаточным для адекватной и весьма детальной классификации систем глагольных превербов в рассматриваемых языках. Разумеется, многие признаки из этого списка связаны между собой и в ряде случаев их значения могут оказаться взаимно обусловленными.

В следующих четырёх главах книги значения выделенных параметров в изучаемых языках будут подробно изучены и сопоставлены, а в главе 6 их модифицированный вариант будет подвергнут количественному анализу.

1.3. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ³

В данной работе я принимаю так называемую «двухкомпонентную» концепцию вида, см. [Breu 1994, 2000a; Брой 1998; Smith 1991/1997; Смит 1998; Горбова 2010], последовательно противополо-

³ Я приношу особую благодарность Бьёрну Вимеру и В. А. Плунгяну за подробные и критические замечания к этому разделу, с которыми я не во всех случаях согласился; разумеется, лишь я один несу ответственность за возможные неточности и непоследовательности, проистекающие из того понимания терминологии, которое здесь изложено.

ставляющую акциональные значения предикатов, отражающие языковую категоризацию ситуаций на статические vs. динамические, длительные vs. моментальные, предельные vs. непредельные и т. п., с одной стороны, и грамматические аспектуальные значения, выражающие, метафорически говоря, точку зрения говорящего на развёртывание ситуации во времени (viewpoint в терминологии К. Смит). Поскольку ни подробное изложение основных постулатов какой-либо конкретной аспектологической теории, ни обзор основной литературы по данной теме не входит в мои задачи, я ограничусь отсылкой к недавним обзорам в работах [Татевосов 2005, 2010а; Плунгян 2009, 2011а: 110–119].

Наиболее важными при обсуждении глагольных систем с проверками являются понятия, относящиеся к области предельности. В аспектологической литературе (см. критический обзор в статье [Dahl 1981], ср. также [Łaziński, Wiemer 1996; Wiemer 2002: 229–231; Плунгян 2009: 63–65; Горбов, Горбова 2012]) термины «предельный» и «непредельный» (англ. telic и atelic) употребляются в двух разных значениях. В одном понимании, традиционном для славянской аспектологии, предельными являются глагольные лексемы или глагольные группы, в семантике которых есть «указание на внутренний, самой природой данного действия предусмотренный предел» [Маслов 1984/2004: 29]. Такую предельность можно назвать «потенциальной», поскольку предельными при этой трактовке оказываются и те употребления глаголов, которые не обозначают реального достижения предела. В частности, при данной трактовке глагол несовершенного вида (НСВ) *писать* в примере (1а) является предельным в той же мере, что и его коррелят совершенного вида (СВ) *написать* в примере (1б). Непредельным с данной точки зрения является лишь безобъектное употребление глагола *писать* в примере (1с).

русский

(1) а. *Я писал письмо.*

б. *Я написал письмо.*

с. *Я писал.*

Напротив, другое понимание предельности, принятое по большей части в западных исследованиях, развивающих акциональную классификацию З. Вендлера [Vendler 1957/1967; Dowty 1979; Krifka 1998], рассматривает в качестве предельных лишь такие выражения, которые имплицитно достигают ситуации предела,

т. е. временную ограниченность и законченность ситуации. При такой трактовке предельным является лишь глагол *написать*, а *писать* оказывается неопредельным не только в (1с), но и в (1а). Строго говоря, если отвлечься от ряда частных контекстов, все русские глаголы НСВ в процессном значении являются с этой точки зрения неопредельными.

Одно из возможных решений данной терминологической коллизии состоит в том, чтобы использовать термины «предельность» и «непредельность» в их традиционном славистическом понимании, как относящиеся к потенциальному свойству ситуации, которое в конкретных глагольных формах может быть актуализовано либо неактуализовано, а противопоставления, подобные русской «видовой паре» *писать* ~ *написать*, обозначать при помощи терминов «имперфективность» и «перфективность». Такое решение, однако, неприемлемо по той простой причине, что «перфектив» и «имперфектив» суть понятия из области грамматических аспектуальных значений, а не из области акциональной, т. е. лексико-семантической, классификации предикатов. Тот факт, что в русском и других славянских языках данные грамматические значения являются скорее не словоизменяемыми, а словоклассифицирующими, противопоставляющими не словоформы, а лексемы [Плунгян 2011а: 407]⁴, не отменяет того вполне очевидного обстоятельства, что как глаголы СВ, так и глаголы НСВ (если их вообще рассматривать с точки зрения акциональной классификации по отдельности, а не объединять в «акциональные группы», как предлагается в [Татовосов 2005, 2010а]) могут относиться к разным акциональным классам, и что приравнивать грамматические значения видов к акциональным значениям неправомерно. Кроме того, противопоставление «перфективных» и «имперфективных» глаголов можно постулировать лишь для тех языков, где лексико-семантическая дихотомия типа *писать* ~ *написать* является грамматической, что верно далеко не для всех языков изучаемого в данной книге ареала (ср. аргументацию о неграмматическом характере данного противопоставления применительно к литовскому в [Вимер 2001; Аркадьев 2008а, 2009а] и к идишу в [Gold 1999]). О понятии «грамматическое» см. ниже.

Для того, чтобы не смешивать акциональные и грамматические противопоставления и чтобы не накладывать а priori славянскую

⁴ Об аргументах в пользу словоизменяемой vs. словообразовательной трактовки русского вида см. [Перцов 1998, 2001: 119–143].